

В.А. Бильбасов

**Новые русские материалы по истории
Семилетней войны**

Русская армия в Семилетнюю войну. Выпуск 1

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Бильбасов**
Новые русские материалы по истории Семилетней войны: Русская армия в Семилетнюю войну. Выпуск 1 / В.А. Бильбасов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 38 с.

ISBN 978-5-518-05928-3

Соч. Д. Масловского. Вып. 1. С.-Пб. 1886

ISBN 978-5-518-05928-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

плановъ, схемъ, таблицъ и картъ. Предпославъ своему изслѣдованію „очеркъ состоянія военнаго искусства въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія“, авторъ возсоздаетъ по подлиннымъ документамъ военнаго архива главнаго штаба, московскаго его отдѣленія и главнаго архива иностранныхъ дѣлъ, возможно полную картину формировація экспедиціоннаго корпуса и слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, подробно описывая сосредоточеніе русскихъ войскъ къ Нѣману, операціи противъ Мемеля, наступленіе къ Кенигсбергу, сраженіе подъ Гросъ-Эгердорфомъ, наступленіе къ Алленбургу и отступленіе русскихъ войскъ за Нѣманъ. Это — вполнѣ специальное изслѣдованіе и, не смотря на то или, точнѣе, именно вслѣдствіе того, оно проводитъ новыя взгляды на многіе политическіе вопросы, освѣщая ихъ новымъ свѣтомъ, вполнѣ соответствующимъ характеру и свойствамъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Это объясняется особенностью самой войны, не только возникшей, но и въ теченіе семи лѣтъ постоянно испытывавшей сильное политическое давленіе, при чемъ взаимное воздѣйствіе вопросовъ политики и фактовъ войны до того переплетается, что отдѣльное изслѣдованіе политическихъ или военныхъ вопросовъ становится затруднительнымъ до полной невозможности. Военачальнику не была указана реальная цѣль, достиженіе которой имѣлось бы въ виду; какъ общій планъ, такъ и частныя операціи войны, опредѣлялись конференціей, засѣдавшей въ Петербургѣ; всѣ военныя движенія были связаны политическими вліяніями, не имѣвшими ничего общаго съ ходомъ военныхъ дѣйствій и нерѣдко противорѣчившими основнымъ условіямъ военнаго дѣла. Политика всегда входитъ, какъ существенный элементъ, въ военное дѣло: она ставитъ ближайшія, достижимыя военными средствами, задачи и опредѣляетъ конечныя цѣли, согласно ходу военныхъ операцій, вліяющихъ, съ своей стороны, на политическія перспективы; но никогда политика не можетъ, безъ значительнаго ущерба для общей цѣли, играть выдающуюся роль на театрѣ войны, тѣмъ менѣе на полѣ битвы. Между тѣмъ, въ Семилѣтнюю войну замѣчается такое именно чрезмѣрное вліяніе различныхъ политическихъ теченій, до крайности стѣснявшихъ главнокомандующаго и парализовавшихъ успѣхи военныхъ дѣйствій. Источникъ этого крайне печальнаго положенія дѣла заключался въ крутомъ и, по словамъ Фридриха II, „неожиданномъ“ поворотѣ въ системѣ союзовъ, измѣнившихъ „весь видъ бывшихъ до нынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія“.

Рядъ этихъ „неожиданностей“ открылъ самъ же Фридрихъ II: 16-го

января 1756 года. союзная Франціи и враждебная Россіи Пруссія заключила союзъ съ Англіей, союзницею Россіи и врагомъ Франціи (Вестминстерскій договоръ); 1-го мая того же года, дружественная Пруссіи и враждебная Австріи Франція подписала Версальскій договоръ съ Австріей, перешедшій вскорѣ въ союзъ исключительно противъ Пруссіи; 31-го декабря 1756 года. Россія заключаетъ союзъ съ Франціей, враждовавшею противъ нея и въ Турціи, и въ Польшѣ, и въ Швеціи. Эти перемѣны оказались „si subitis et inattendus“; что, въ первое время, все перепуталось, и умы современниковъ не мирились съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Положеніе же было на столько ново, что сами союзники не довѣряли другъ другу. Когда начались военныя дѣйствія, и французскія войска имѣли уже стычки съ прусскими, герцогъ Ришелье велъ съ Фридрихомъ II дружественную переписку, а во Франціи не ослабло опасеніе, что „Австрія, одержавъ верхъ надъ Пруссіей, возстановитъ дружественныя сношенія съ морскими державами, и, быть можетъ, будетъ дѣйствовать за одно съ ними противъ Франціи“; принцъ Конти, говоря съ Бехтѣвымъ, русскимъ представителемъ при Версальскомъ дворѣ, о союзническихъ дворахъ, „довольно ясно отозвался, что трактатъ съ вѣнскимъ дворомъ ему не нравится и что онъ пріятель только г. Рулье, который думаетъ, что великое дѣло сдѣлалъ“. Австрія, для которой союзъ съ Россіей представлялся существенно важнымъ, негодовала, что „русскій дворъ слишкомъ горячо принимается за дѣло“, и видѣла въ присоединеніи Восточной Пруссіи къ Россіи „ein grosses Unglück und politisches Uebel“; Франція, только что предъ войною возстановившая дипломатическія сношенія съ Россією, продолжаетъ относиться враждебно къ своей новой союзницѣ: „Союзъ нашъ съ Россією“; писалъ герцогъ Шуазель французскому послу при петербургскомъ дворѣ, — „чисто случайный и вызванъ случайными обстоятельствами; намъ вовсе не слѣдуетъ стараться объ укрѣпленіи его; такъ какъ Турція, Польша, Швеція и Данія, старинные наши союзники, суть естественные враги этой державы. Благоразуміе требуетъ оставаться теперь въ союзѣ съ Россією, но не имѣть его въ виду для будущаго времени“; французскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Брольи, имѣлъ предписаніе „противодѣйствовать Россіи“, и даже позже, французскому послу въ Петербургѣ, Бретелю, поручали играть роль „un avocat de la Pologne à Pétersbourg“; въ Версали были крайне опечалены, услышавъ о побѣдѣ русскихъ при Куннерсдорфѣ, и Людовикъ XV поручилъ своему представителю при русскомъ дворѣ „пре-

пятствовать, если окажется возможным, военнымъ успѣхамъ русской арміи“. Фридрихъ II, противъ котораго собственно и были заключены всѣ эти новые союзы, не былъ, слѣдовательно, особенно оригиналенъ, заявляя въ своей „Apologie de ma conduite politique“, что „обязанность соблюдать союзные трактаты подлежитъ еще сомнѣнію“.

Императрица Марія Терезія была „больна Силезіей“, и для возвращенія этой провинціи отъ Пруссіи готова была на всевозможныя жертвы. Пренебрегая династическими традиціями, она снизошла до лести господжѣ Помпадуръ и изъ ея рукъ приняла союзный трактатъ съ Франціей; она вошла въ близкія сношенія съ Елизаветою Петровною единственно ради ненависти „Русской самодержицы“ къ Прусскому королю, и, такимъ образомъ, составила грозную коалицію противъ „изверга“ Фридриха II. Начавшаяся въ 1756 году „une guerre de trois femmes“ длилась семь лѣтъ, но Силезія не возвратила австрійскому дому, о чѣмъ мечтала Марія Терезія, и не представила „наипользѣнѣйшій случай сократить короля Пруссаго“, на что надѣялся Бехтѣвъ. Внѣшнія событія какъ Семилѣтней войны, такъ и самаго ея начала, хорошо извѣстны, и намъ нѣтъ надобности передавать подробности „похода Апраксина въ Восточную Пруссію“; остановимся только на тѣхъ новыхъ, впервые г. Масловскимъ обследованныхъ, фактахъ изъ военной исторіи, которые даютъ совершенно иное освѣщеніе нѣкоторымъ событіямъ того времени и заставляютъ измѣнить общепринятыя взгляды и искать иныхъ объясненій для многихъ политическихъ явленій за первый годъ участія Россіи въ Семилѣтней войнѣ.

Отмѣтимъ прежде всего, что полковникъ Масловскій возстановляетъ безосновательно поруганную честь русской арміи прошлаго вѣка. Благодаря труду г. Масловскаго, необходимо отказаться, и самымъ рѣшительнымъ образомъ, отъ общепринятаго понинѣ мнѣнія о негодности нашей арміи временъ Елизаветы Петровны. Читая въ письмахъ Фридриха II, что „русскихъ нечего опасаться, такъ какъ у нихъ мало хорошихъ генераловъ, и войска ихъ никуда негодны“¹⁾; встрѣчая въ депешахъ австрійскаго посла графа Эстергази, что „на русскую армію нельзя полагаться, тѣмъ болѣе, что ею командуютъ генералы неискусные въ военномъ дѣлѣ“, или англійскаго Уильямса, что „во

¹⁾ Les russes ont fort peu de bons généraux et leurs troupes ne valent rien. P. lit. Corresp., V, 64.

всемъ русскомъ войскѣ нѣтъ и десяти хорошихъ офицеровъ ¹⁾ и вида подтвержденіе этихъ взглядовъ въ спеціально военныхъ трудахъ русскихъ людей, печатно заявлявшихъ, что „военныя дѣйствія, какъ извѣстно, велись въ теченіи почти всей семилѣтней войны съ изумительнымъ беспорядкомъ при полнѣйшемъ отсутствіи всякихъ здравыхъ понятій о военномъ дѣлѣ“, всѣ невольно относились съ довѣріемъ къ общему выводу о русскомъ войскѣ, сдѣланному Соловьевымъ въ его „Исторіи Россіи“: „Всѣ четыре главнокомандующіе—Апраксинъ, Ферморъ, Салтыковъ и Бутурлинъ — отличались однимъ характеромъ и одинакимъ способомъ дѣйствій. Всѣ четверо достигли важныхъ военныхъ чиповъ по линіи, всѣ четверо не имѣли способности главнокомандующаго; они шли медленно на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи; встрѣтятъ непріятеля, выдержать его натискъ, отобьются, а иногда, послѣ сраженія, увидятъ, что одержали великую побѣду, въ пухъ разбили врага; но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности къ почину: они не сдѣлаютъ ни шагу, чтобъ воспользоваться побѣдою, окончательно добить непріятеля—но прежнему ждуть указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій... Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній. Война велась первобытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось съ встрѣтившимся непріателемъ и осенью уходило назадъ“ ²⁾. Эту характеристику русской арміи и ея полководцевъ всѣ позднѣйшіе писатели—Глиноецкій, Θεоктистовъ, Богдановичъ, Петрушевскій и другіе — находили „какъ нельзя болѣе вѣрною“ и утверждали, что „со смертію Петра Великаго русская армія, забывъ уроки вѣнценоснаго учителя, возвратилась къ преданьямъ старины и строилась на манеръ побѣждаемыхъ турокъ; прежняя строгая, даже суровая дисциплина уступила мѣсто азіатской необузданности: русскія войска были грозой мирныхъ жителей, грабили, опустошали Пруссію, и побѣды надъ Фридрихомъ II одержаны какъ бы невзначай“.

„Для того“, говоритъ г. Масловскій,—„чтобы нѣсколько пошатнуть неправильно сложившійся взглядъ на дѣйствія русскихъ въ войну

¹⁾ Die Russen haben nicht zehn gute Officiere in ihrem ganzen Heere. *Rammer*. Beiträge zur neueren Geschichte, II. 400.

²⁾ XXIV, 414. Это перефразировано на дняхъ *Петрушевскимъ*, Генералиссимусъ князь Суворовъ, I, 23.

1756—1763 годовъ, мы считаемъ необходимымъ не только воспроизвести, по мѣрѣ силъ, факты по архивнымъ даннымъ, но и кромѣ того, представить доводы, на основаніи которыхъ печатные труды, гдѣ разсматривается участіе русской арміи въ Семилѣтней войнѣ, не могутъ служить не только источниками для изученія операций русскихъ войскъ, но даже пособіемъ для ознакомленія съ нашею арміею того времени“.

Авторъ горячо вступаетъ за дисциплину русской арміи того времени, которую „и свои, и чужіе“ привыкли обзывать „варварскою толпою“. Подробными ссылками на архивные матеріалы онъ доказываетъ, что 1) во время слѣдованія отдѣльныхъ отрядовъ Литвою и при квартированіи войска въ Пруссіи постоянно требовались квитанціи отъ мѣстныхъ властей о благополучномъ квартированіи; слѣдовательно, контроль былъ подобный принятому и въ настоящее время; 2) при набѣгахъ даже мелкихъ партій всегда привозили къ отрядному начальнику старшихъ мѣстныхъ властей, которымъ, между прочимъ, постоянно былъ предлагаемъ особый вопросъ: „не чинили ли обидъ обывателямъ?“—показанія этихъ бургомистровъ, пасторовъ и и т. п. сохранились въ дѣлахъ военно-ученаго архива, и изъ этихъ показаній можно видѣть, что никакихъ обидъ жителямъ не было; 3) при выступленіи небольшихъ отрядовъ съ квартиръ оставлялись залогомъ; 4) при малѣйшемъ увлеченіи какой-либо части легкихъ войскъ она тотчасъ оттягивалась къ арміи, и на ея мѣсто назначалась другая; 5) еслибы упадокъ дисциплины былъ въ томъ размѣрѣ, какъ „общеизвѣстно“, то могла ли армія оперировать болѣе тысячи верстъ, менѣе чѣмъ въ годъ, въ полномъ порядкѣ? Примѣръ, до чего можетъ довести упадокъ дисциплины, очевиденъ при отступленіи, хотя бы арміи Наполеона въ 1812 году—ничего подобнаго не случилось съ русскою арміею, даже и въ апраксинскій походъ; 6) императрица Елизавета, награждая казаковъ за дѣйствія подъ Кюстриномъ, прямо указываетъ въ своемъ рескриптѣ, что они „прежнія свои дѣла загладили“; 7) если сравнить дѣйствія нашихъ войскъ съ войсками Фридриха Великаго, то какъ въ отношеніи дезертирства, такъ и разгрома занятой ими Саксоніи, значительный перевѣсъ будетъ на сторонѣ прусскихъ войскъ.

Вторымъ, не менѣе новымъ фактомъ, разъясеннымъ г. Масловскимъ, служитъ обѣленіе Апраксина, какъ главнокомандующаго. Современники почти единогласно рисовали портретъ перваго изъ русскихъ главнокомандующихъ въ Семилѣтней войнѣ довольно печаль-

ными красками; мы приняли ихъ отзывъ на вѣру и продолжаемъ представлять С. О. Апраксина дурнымъ человѣкомъ и никуда негоднымъ главнокомандующимъ. Полковникъ Масловскій, шагъ за шагомъ слѣдя дѣятельность фельдмаршала Апраксина и въ военныхъ совѣтахъ, и на полѣ битвы, убѣдительно доказываетъ, что давно уже установившееся о бѣ Апраксинѣ мнѣніе не выдерживаетъ критики и должно быть оставлено, какъ невѣрное.

Въ сентябрѣ 1756 г. Апраксинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ, и въ сентябрѣ же англійскій посланникъ Уильямсъ доносилъ въ своихъ депешахъ: „Апраксинъ—лѣнивѣйшій изъ смертныхъ и жалкій трусишка (rank coward). Его оскорбилъ казацкій гетманъ и почти прибилъ (almost 'kick'd), а онъ и глазомъ не моргнулъ. Онъ толстый, лѣнивый, распутный человѣкъ и лишенъ всякой храбрости. Онъ никогда не видѣлъ непріятельскаго войска и никогда не былъ въ военной службѣ, кромѣ турецкихъ походовъ Миниха. Я знаю, что онъ тяготеетъ своимъ главнокомандованіемъ, и здѣсь уже убѣждаются, что гораздо легче говорить о передвиженіяхъ большой арміи, чѣмъ дѣйствительно двигать войсками“¹⁾. Упомянутый Уильямсомъ „казацкій гетманъ“, графъ К. Г. Разумовскій, писалъ въ письмѣ къ вице-канцлеру М. Л. Воронцову, отъ 22-го ноября 1757 г., слѣдовательно, уже послѣ Гроссъ-Эгердорфской побѣды и отступления русской арміи: „Я никогда не думалъ, чтобъ въ фельдмаршалѣ Апраксинѣ столь мало искуснаго командира найти. Видя къ сторонѣ русской арміи столь великіе казавшіеся преимущества, не возможно уклониться, чтобъ не почувствовать досады противу того, кто причиною, буде то правда, нашему теперешнему безславію. Могу сказать, что когда тщеславіе соединится съ невѣжествомъ, то въщей опасности ожидать надобно, нежели отъ одного невѣжества. Ежели бы тогда моего мнѣнія спросили, когда командиръ учреждался, я бы всегда могъ по привычкѣ чистосердечно и безпристрастно сказать, что человѣкъ безъ практики и столь тяжелаго тѣла, а притомъ ни въ какихъ военныхъ обращеніяхъ съ европейцами не бывавшій, кромѣ нѣкоторой турецкой команды, гдѣ одною бригадою командовать ему дозволено было, по благосклонности главнаго командира, едва ли годится командиромъ быть главнымъ въ великомъ караулѣ и давно въ полѣ небываломъ, противъ столь исправнаго войска, которое довольно я самъ видѣлъ, какое оно въ Пруссіи“²⁾. Съ тѣхъ поръ стало

¹⁾ *Raumer*, II, 400; *Pol. Corr.* XVI, 546, 54.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, IV, 390; VI, 327.

общимъ мнѣніемъ, всѣми повторяемымъ, что Апраксинъ— „жалкая бездарность“, „тщеславный невѣжда“, чѣловѣкъ, „о которомъ дошли до насъ дурные отзывы и отъ чужихъ, и отъ своихъ“¹⁾. Тщательно разсмотрѣвъ всѣ распоряженія фельдмаршала Апраксина и представивъ имъ специальную оцѣнку съ точки зрѣнія военнаго искусства, полковникъ Масловскій изобразетъ намъ Апраксина въ совершенно иномъ свѣтѣ. При сосредоточеніи русскихъ войскъ въ Нѣману, Апраксинъ избралъ „вполнѣ соответственный образъ дѣйствій“ (стр. 201); инструкция Апраксина для операций противъ Мемеля „не оставляетъ желать ничего лучшаго“ (стр. 206); выборъ Апраксинимъ операціонной линіи—Бальвержишки-Вержболово-Инстербургъ—оказывается „вполнѣ правильнымъ“ (стр. 223); при первой возможности наступленія въ предѣлы Пруссіи, Апраксинимъ „въ тотъ же день были отданы соответственныя приказанія“ (стр. 229) и т. д. Словомъ, подробно разработывая чисто военную сторону операций Апраксина, зорко слѣдя за каждымъ его распоряженіемъ и всесторонне оцѣнивая каждое его дѣйствіе, полковникъ Масловскій убѣдительно доказываетъ: „умѣнье главнокомандующаго понять обстановку и принять сообразно оной вполнѣ правильное рѣшеніе“, при чемъ безпристрастно и безъ утайки отмѣчаетъ и ошибки Апраксина, какъ, на примѣръ, въ присоединеніи конницы корпуса Сибильскаго къ главнымъ силамъ (стр. 249). „Въ нашемъ изслѣдованіи“, говоритъ авторъ,— „мы далеко не имѣли въ виду выставить Апраксина, какъ выдающагося талантливаго полководца. Ошибки съ его стороны были (да въ нихъ не безгрѣшны и гени, такъ сложно и трудно дѣло полководца) и указаны нами... Будемъ считать себя счастливыми, если внесемъ на страницы исторіи военнаго искусства въ Россіи XVIII вѣка... тотъ безусловно вѣрный выводъ, что какъ Апраксинъ, такъ и „генералитетъ“, бывшій при немъ, прежде всего заслуживаютъ не только глубочайшаго уваженія къ ихъ памяти, но и подражанія въ отношеніи упорной стойкости и самоотверженія при защитѣ интересовъ арміи, что въ конечномъ результатѣ повело къ успѣху дѣла“ (стр. 332).

Для политической исторіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны въ этомъ обѣленіи Апраксина особенно важны два момента, на которые мы и обращаемъ вниманіе.

16-го октября 1757 года иностранной коллегіи данъ былъ указъ для сообщенія министрамъ союзныхъ дворовъ, и указъ этотъ оканчи-

¹⁾ Соловьевъ, XXIV, 95; Θεокτισтовъ. 167; Петрушевскій, I, 23.

вался слѣдующими словами: „мы за нужно разсудили команду надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную генералу Фермору, а его, Апраксина, сюда къ отвѣту позвать“. Апраксинъ былъ преданъ суду особой комиссіи, состоявшей изъ трехъ лицъ — князя Трубецкаго, Бутурлина и графа А. Шувалова. Въ чемъ же обвиняли Апраксина, какъ главнокомандующаго? Послѣ первыхъ же допросовъ, комиссія составила особый докладъ императрицѣ о винахъ фельдмаршала Апраксина и въ этомъ докладѣ указала слѣдующіе два обвинительные пункта: во первыхъ, „Апраксинъ въ последнемъ допросе показалъ, что можетъ быть имѣлъ и (бывшему канцлеру) Бестужеву оказалъ свое запинаніе къ началію войны противъ короля прусскаго, зная, что ихъ высочества весьма были склонны къ королю прусскому“, и, во вторыхъ, „изъ послѣдняго допросу Апраксина и изъ всѣхъ его къ Бестужеву писемъ столько оказывается, что какъ Бестужевъ втянулъ великую княгиню въ сію переписку, такъ Апраксинъ подалъ ему поводъ завести сію переписку, ибо всѣми своими письмами твердя и жалуясь, для чего получаетъ указы противные тому, что при отвѣздѣ говорено, соглашено и постановлено было, всемъ темъ не разумѣлъ иного, какъ несклонность великой княгини къ войнѣ, такъ что Бестужевъ почелъ за нужно увѣрить его собственнымъ великой княгини письмомъ, что наконецъ согласуется и она къ началію оной. За что Апраксинъ благодаря Бестужева называетъ полученное отъ великой княгини письмо драгоценнымъ отъ него сокровищемъ и присовокупляетъ, что такимъ образомъ будучи о сентиментахъ увѣдомленъ, онъ уже совершенно спокоенъ“¹⁾. На основаніи этихъ двухъ обвиненій, сливающихся собственно въ одно — „запинаніе къ началію войны“, составилось убѣжденіе, что „мирный фельдмаршалъ“ медлил открытіемъ военныхъ дѣйствій единственно въ угоду придворной интригѣ, въ которой былъ замѣшанъ молодой дворъ и канцлеръ Бестужевъ²⁾. Это оказывается совершенно невѣрнымъ: по изслѣдованію г. Масловскаго, Апраксинъ былъ поставленъ въ полную невозможность начать военныя дѣйствія осенью 1756 г., какъ отъ него требовали, и могъ начать походъ лишь весною 1757 года. Доказательства г. Масловскаго убѣдительно до очевидности:

1) Въ сентябрѣ 1756 г., когда Апраксинъ былъ назначенъ главно-

¹⁾ Государственный архивъ, VI, № 385-й, л. 15-й.

²⁾ *Соловьевъ* XXIV, 126; *Raumer*, II, 420; *Schaefer*. *Geschichte des Siebenjährigen Kriegs*, I, 391.

командующимъ, войска, входившія въ составъ дѣйствующей арміи, были расположены: а) корпусъ Лопухина, — въ Лифляндіи, Курляндіи, Псковской, Петербургской и Новгородской губерніяхъ, при чемъ гренадерскіе полки только еще формировались; б) корпусъ Василя Долгорукова — только началъ формироваться и полки его были разбросаны въ Прибалтійскомъ краѣ и за предѣлами Псковской губерніи; в) корпусъ Матвѣя Ливена — совсѣмъ не былъ сформированъ, при чемъ регулярная конница занимала форпосты по Днѣпру, а остальные конные полки стояли въ прежнихъ пунктахъ квартированія; г) корпусъ Брауна и Фаста — въ Эстляндіи, и д) корпусъ Григорія Мещерскаго — вовсе не былъ сформированъ и полки его находились одни на Украинѣ, другіе по крѣпостямъ; сколько же нужно было времени, чтобы глухою осенью, по дорогамъ прошлаго столѣтія, стянуть къ извѣстному пункту наступленія полки, разбросанные отъ Ревеля до Чернигова? 2) переформированіе пѣхоты и регулярной конницы не было окончено: 3) полковая артиллерія не была готова; полевая и осадная были подготовлены, но лошадей совсѣмъ не было даже для полевой артиллеріи; 4) для обезпеченія продовольствія арміи ничего не было подготовлено, и 5) военно-статистическихъ свѣдѣній о Литвѣ, Польшѣ и Пруссіи совсѣмъ не было. Принимая во вниманіе такое положеніе дѣйствующей арміи, при которомъ она никоимъ образомъ не могла „дѣйствовать“ въ сентябрѣ 1756 г., необходимо признать, что Апраксинъ не терялъ времени, если, спустя девять мѣсяцевъ, 19-го іюня 1757 года, могъ раздаться первый русскій выстрѣлъ въ Семилѣтнюю войну.

Второй важный фактъ изъ исторіи командованія Апраксина арміею заключается въ разъясненіи чисто военныхъ причинъ, облыжавшихъ главнокомандующаго отступить за Нѣманъ, вскорѣ послѣ одержанной имъ побѣды подъ Гроссъ-Эгердорфомъ. Это отступленіе ставили въ связь съ болѣзненнымъ припадкомъ Елизаветы Петровны и обвиняли Апраксина и даже всѣхъ генераловъ не менѣе, какъ въ измѣнѣ¹⁾. Нелѣпость этой догадки была уже указана Соловьевымъ²⁾; но фактическое опроверженіе этого „слуха“ только теперь представлено г. Масловскимъ. Слуху этому не довѣряла даже комиссія, судившая канцлера „Бестужева-Рюмина и фельдмаршала Апраксина“³⁾; тѣмъ

¹⁾ *Raumer*, II, 452; *Семевскій* въ *Воен. Сборн.* V, 21; *Schaefer*, I, 392.

²⁾ *Соловьевъ*, XXIV, 181; *Arnetz*. Maria Theresia und der Siebenjährige Krieg, V, 519.

³⁾ Государственный Архивъ. VI. № 385, л. 6.

не менѣе, въ исторической литературѣ это обвиненіе тяготѣетъ надъ Апраксинымъ до настоящаго времени¹⁾; и только доводы г. Масловскаго, какъ надо надѣяться, уничтожатъ его окончательнo. Вслѣдствіе недостатка продовольствія и убыли людей, Апраксинъ рѣшилъ, согласно постановленію военнаго совѣта 27-го августа, отступить отъ Алленбурга къ Тильзиту и пополнивъ запасы, двинуться къ занятію Лабявы, то-есть, имъ „было принято лучшее рѣшеніе, основанное на правильномъ пониманіи бывшей обстановки“ (стр. 307), и г. Масловскій признаетъ отступление отъ Алленбурга „безусловною необходимостью“ (311), прибавляя, что рѣшеніе совѣта „было совершенно правильно и самое отступленіе начато своевременно“. Подробно разсматриваетъ г. Масловскій взаимное положеніе русской и прусской армій подъ Тильзитомъ, и приходитъ къ выводу, что „единственно правильнымъ рѣшеніемъ было—уклониться отъ боя, дать арміи оправиться, что и было безъ колебанія принято Апраксинымъ“ (323). Соображенія автора получаютъ особое значеніе при сравненіи ихъ съ показаніями генерала Веймарна²⁾, дѣятельнаго участника въ походѣ Апраксина въ Восточную Пруссію.

Эти установленные г. Масловскимъ новые факты чисто военнаго характера чрезвычайно важны для политической исторіи. Они заставляютъ, прежде всего, переработать весь эпизодъ паденія канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, начавшійся съ суда надъ фельдмаршаломъ Апраксинымъ. Въ государственномъ архивѣ хранится особая связка: „Допросные пункты и вины канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбке“; этою связкою пользовались г. Семевскій и Соловьевъ, быть можетъ, перелистывали ее и другіе, но всѣ подходили къ ней съ предвзятою цѣлью, видѣли тутъ „дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ“ и, по большой части, не находили, чего искали. Теперь многое объясняется: ни въ допросахъ, предложенныхъ Апраксину, тѣмъ менѣе Бестужеву, ни въ документахъ, приложенныхъ къ этому „дѣлу“ нѣтъ, и, какъ оказывается, не могло быть указаній не только на измѣну, но даже на неисполненіе русскою арміею ея обязанностей. Ознакомившись съ этими документами государственнаго архива, мы пришли къ убѣжденію, что если въ нихъ

¹⁾ *Петрушевскій*, I, 23, все еще признаетъ, что „отступленіе произошло вслѣдствіе соображеній не военныхъ“ и „не извѣстно почему, считаетъ „главною пружиною отступленія—наслѣдника престола“.

²⁾ *Weymarn. Ueber den ersten Feldzug des russischen Kriegsheeres gegen die Preussen im Jahr 1757. Riga, 1794; Пекарскій въ Воен. Сборн., III, 339.*